

RU

Этнолингвистические элементы как конститuentы текстовых категорий (на материале русского и немецкого языков)

Левченко М. Н., Захарова М. Ю.

Аннотация. Целью исследования является выявление степени участия семантических блоков этнолингвистических элементов в формировании категорий текста: темпоральности, локальности, модальности, - в типе текста «сказка». Научная новизна данной работы заключается в обнаруженных впервые текстовых функциях этнолингвистических элементов. Также впервые были определены и просчитаны математически самые активные блоки этноэлементов русского и немецкого языков, участвующие в построении указанных выше текстовых категорий в типе текста «сказка». В результате проведённого лингвистического анализа этнолингвистических компонентов немецких и русских сказок подтверждается тот факт, что тип текста «сказка» выступает одинаково ценным материалом как для изучения этнических особенностей и национальной картины мира изучаемого народа, так и для формирования определённых текстовых категорий.

EN

Ethnolinguistic Elements as Constituents of Text Categories (by the Material of the Russian and German Languages)

Levchenko M. N., Zakharova M. Y.

Abstract. The research aims to determine the extent to which the semantic blocks of ethnolinguistic elements participate in the formation of the text categories of temporality, locality, modality in the fairy-tale type of a text. Scientific novelty of the paper lies in discovering the text functions of ethnolinguistic elements for the first time. It is also the first time that the most active blocks of the ethnic elements of the Russian and German languages involved in the construction of the above-mentioned text categories in the fairy-tale type of a text have been identified and calculated mathematically. As a result of a linguistic analysis of the ethnolinguistic components of the German and Russian fairy tales, it is confirmed that the fairy-tale type of a text acts as equally valuable material both for the study of the ethnic characteristics and national worldview of the considered people and for certain text categories formation.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена повышенным вниманием в современном мире к проблеме этноса. В процессе мировой глобализации в науке о языке всё большее значение приобретают вопросы национального характера, национального сознания, национального самоопределения и национальной картины мира [2; 6; 8; 12; 14; 17; 18]. Частые проблемы межэтнических конфликтов в современном социуме, которые ежедневно освещают мировые СМИ, настойчиво требуют привлечения пристального внимания и решения на уровне международном и академическом. Очевидно, что этнический вопрос, особенно в своём языковом проявлении, является одной из актуальнейших проблем современности.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

1. Выстроить алгоритм этнолингвистического анализа с определением базовых семантических блоков этнолингвистических элементов в типе текста «сказка».
2. Выявить степень вовлечения релевантных семантических блоков этноэлементов в реализацию текстовой категории темпоральности в типе текста «сказка» в русской и немецкой лингвокультурах.
3. Определить степень участия основных блоков этнолингвистических единиц в формировании текстовой категории локальности в рамках типа текста «сказка» в русском и немецком языках.
4. Установить степень включения определённых выше семантических блоков этнолингвистических элементов в функционирование текстовой категории модальности в русской и немецкой картинах мира на материале русских и немецких народных сказок.

Для доказательства факта отражения текстовых категорий через узкую группу этнолингвистических элементов и демонстрации того, как именно этнолингвистические элементы помогают выражать время, пространство, отношение к действительности в исследуемом типе текста, авторы статьи применяют такие методы исследования, как сравнение, описательный метод, дистрибутивный метод, системный анализ текста.

Материалом исследования в данной статье являются русские народные сказки под редакцией А. Н. Афанасьева и немецкие народные сказки под редакцией Я. Гримм и В. Гримм (общее количество 60 текстов).

Практическая значимость заключается в продолжении исследования конкретного типа текста в рамках не только теории текста, но и этнолингвистики, алгоритм анализа которого может быть использован в таких дисциплинах, как лингвокультурология, история и культура страны изучаемого языка, лингвострановедение при изучении аутентичных языковых материалов.

Теоретической базой исследования послужили труды Л. Г. Бабенко [3], А. В. Бондарко [4], И. Р. Гальперина [5], О. И. Москальской [9], Л. А. Ноздриной [11], посвящённые грамматической архитектонике текста и различным аспектам интерпретации художественных текстов. Этнолингвистическую составляющую исследования обеспечили работы таких учёных, как С. М. Толстая [13], Н. И. Толстой [14].

Релевантные семантические блоки этнолингвистических элементов в типе текста «сказка»

Отечественный лингвист Л. Г. Бабенко выделяет следующие подходы к изучению текста, в зависимости от аспекта текстовой деятельности, которому уделяется особо пристальное внимание: 1) лингвоцентрический, или лингвистический (считается наиболее традиционным; аспект соотносённости «язык – текст»); 2) текстоцентрический (текст автономен и не соотносится с участниками коммуникации); 3) антропоцентрический (основывается на соотношении «автор – текст – читатель»); 4) когнитивный (основывается на соотношении «автор – текст – внетекстовая деятельность») [3]. Помимо изложенных Л. Г. Бабенко подходов существует ещё один – пятый, этнолингвистический подход.

Этнолингвистика относительно недавно получила признание как научная область, этому предшествовал долгий и трудный процесс определения границ, ее предмета и объекта [17]. Особенно сложным было определить отношения с иными гуманитарными дисциплинами (культурологическими и филологическими), а также доказать свою уникальность и отличия от других наук. Одним из ключевых отличий одной науки от других является цель. Этнолингвистика ставит перед собой цель воспроизвести семантику традиционной картины мира в зависимости от эпохи, раскрыть систему ценностей, мировоззрение того или иного этноса в рамках исследуемого временного периода, показать взаимосвязь языка и этноса, который говорит на данном языке [18]. Одной из основных гипотез этнолингвистики является гипотеза о влиянии языка на этнос и зависимость языка от исторических периодов развития этноса.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что предмет этнолингвистики – «содержательный план культуры, ее семантический или символический язык, а также ее категории и механизмы» [14]. Н. И. Толстой называл свой подход этнолингвистическим и придавал вполне определенный смысл каждой из двух составляющих слова «этнолингвистика». Первая составляющая слова «этно-» происходит от греческого слова «этнос», что переводится как «народ». Вторая составляющая «лингвистика» происходит от латинского слова «лингва», что переводится как «язык». Из этого следует, что именно язык, а не другие памятники культуры, является главной базой исследований.

Этнолингвистика не занимается изучением отдельных языковых компонентов вне их связи с человеком, то есть этнолингвистика ориентирована на решение всех вопросов, связанных с сознанием и самосознанием индивида, и понимает языковые средства как один из способов более глубокого понимания национального сознания человека. Это доказывает, что этнолингвистический анализ традиционно тесно связан с семантикой текста.

Так как данная работа является лингвистической (этнолингвистической), подробно в ней рассматривается только подсистема «язык» и её структура. Сопоставительный анализ формирования текстового потенциала этнолингвистических элементов на материале тридцати русских народных сказок и тридцати немецких народных сказок позволяет описать роль этих элементов в формировании категорий текста: темпоральности, локальности и модальности, включённых лингвистами в перечень текстовых категорий [1; 7; 9; 11; 15].

Если говорить об алгоритме исследования, то на первом этапе устанавливаются основные семантические блоки этноса языка, затем определяются этнолингвистические элементы или маркеры, репрезентирующие эти семантические блоки, на третьем этапе выделяются те языковые элементы из этнолингвистических, которые участвуют в формировании трех текстовых категорий – темпоральности, локальности и модальности. Таким образом, описывается связь между языком и этносом, языковыми и этнолингвистическими единицами.

Прежде чем приступить к этнолингвистическому анализу, определим базовые семантические блоки, которые раскрываются при помощи исследуемого текста. Семантические блоки могут варьироваться в зависимости от целей исследования. В настоящем исследовании выделяются следующие семантические блоки, которые будут являться универсальными опорными понятиями при этнолингвистическом исследовании типа текста «сказка»: персонажи, предметы одежды и украшения, продукты питания, традиции, религиозный уклад, семейные устои и бытовой уклад.

Обратимся к языковому материалу исследования.

Роль этнолингвистических элементов в темпоральной архитектонике русских и немецких народных сказок

В сказке «**Горшениа**» в формировании категории темпоральности участвуют этнолингвистические маркеры двух семантических блоков: предметы одежды и украшения [10].

«Скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшениа, кафтан, и разувай лапти».

«Один боярин выехал на торжище к горшение и говорит ему...».

Выбранные этнолингвистические элементы не являются прямыми маркерами времени, но они могут быть рассмотрены как реалии, характеризующие определенную временную эпоху. Слова *кафтан*, *лапти* и *торжище* являются устаревшими в русском языке и отсылают читателя к прошлому.

В сказке «**Морозко**» в формировании категории темпоральности участвует один этнолингвистические сигналы семантического блока: бытовой уклад [Там же].

«Девушка скотину поила-кормила, дрова и водицу в избу носила, печку топила, обряды творила, избу мела и всё убирала ещё до свету; но старуха и тут была недовольна и на Марфушу ворчала».

«Старик наутро, ни свет ни заря, запряг кобылу в дровни, подвёл ко крыльцу; сам пришёл в избу, сел на коник и сказал...».

«Старуха рогожку отвернула, опахало сняла и деток мёртвыми нашла».

Данный текст богат на элементы, выражающие темпоральность. Все единицы были взяты из одного семантического блока, но при этом большая их часть выражает отношение ко времени грамматическими средствами при помощи глаголов прошедшего времени. И только два существительных являются экстралингвистическими факторами отражения времени – это слова *изба*, *коник* и *рогожка*. Они не до конца вышли из общего употребления, однако эти элементы-реалии используются только при обращении к прошлому, следовательно, эти слова подкрепляют ориентацию читателя в прошедшем времени.

В сказке «**Правда и кривда**» в формировании категории темпоральности участвует один этнолингвистический маркер семантического блока: персонажи [Там же].

«Писарь спросил: О чём вы бьётеся?».

На Руси в предполагаемое время создания сказок общий уровень грамотности был достаточно низок. Это рождало потребность в разного рода профессиях, в частности были необходимы те, кто просто умел писать и мог записывать какие-то факты и данные – писари. Со временем грамотность населения повысилась, и такая профессия, как писарь, перестала быть востребованной. Поэтому использование слова *писарь* говорит о том, что действие текста происходит в прошлом.

В сказке «**Царица-гусяр**» в формировании категории темпоральности участвует этнолингвистические единицы двух семантических блоков: персонажи и традиции [Там же].

«Король как услышал такую славную музыку, тотчас велел позвать гусяра во дворец».

«Через час времени закричали, забегали по дворцу придворные: царь пришёл!».

«Сызмала хожу, ваше величество, по белому свету, людей веселю, да тем свою голову кормлю».

«Не видать бы вам своего царя веки вечные, если б не молодой гусяр; за него стану бога молить, ему половину царства не пожалю отдать».

Семантический блок «Традиции» полностью выражен интралингвистически. Такие слова, как *сызмала* и *веки вечные*, повествуют, что действие началось в прошлом, но при этом связано с художественным настоящим. Связь текста с прошлым подкрепляют существительные из семантического блока «Персонажи». На Руси никогда не было королей, эта форма правления свойственна западным странам, а некоторым и по сей день, поэтому читатель русского текста автоматически ассоциирует слово *король* с далеким прошлым. *Гусяр* и *придворные* уже пропали как профессии. Гусяры существуют только в народных ансамблях, где опять же звучит музыка прошлого, а «двор» не имеет того значения, что раньше, следовательно, «придворные» так же обнаруживают сему прошлого.

В сказке «**Знахарь**» в формировании категории темпоральности участвует этнолингвистические элементы трех семантических блоков: персонажи, продукты питания, традиции [Там же].

«Послал царь за знахарем, чтобы как можно скорей во дворец его привезли».

«Дня через два, через три пропал у барина жеребец; он же, пуд, его и увёл да привязал в лесу к дереву».

«А кольцо-то царское стащили три дворовых человека: лакей, кучер да повар».

«Пуд муки да фунт масла».

«Лучше дождусь глухой полночи да убегу, куда глаза глядят; вот как пропоют третьи петухи, сейчас и задам тягу!».

Эта сказка продолжает традицию активного использования этнолексики для формирования темпоральности текста. Обилие архаизмов и историзмов в тексте (*пуд*, *фунт* – старая мера веса; *лакей*, *кучер*, *знахарь*, *барин*) отсылают читателя в прошлую эпоху.

В сказке «**Золотой баимачок**» в формировании темпоральности текста участвует этнолингвистические маркеры четырех семантических блоков: персонажи, продукты питания, религиозный уклад, бытовой уклад [Там же].

«Жил-был старик со старухой. У старика, у старухи было две дочери».

«Дали мне синь кафтан, ворона летит да кричит: “Синь кафтан! Синь кафтан!”».

«Она нарядила сестру её в само лучшее допотье и пошла с ней в церковь к обедне, а младшей оставила две меры ржи и велела ей выше стать до прихода из церкви».

В данном тексте в формировании временного пласта участвует большее количество семантических блоков, но основные способы выражения темпоральности остались всё так же с полной опорой на фоновые знания читателя. Некоторые этнолингвистические элементы употребляются и по сей день, например, *старик*, *старуха*, но другие этнолингвистические элементы этой сказки уже вышли из активного употребления и сразу же отсылают человека к прошлому (*лопотёв*, *в церковь к обедне*, *две меры ржи*, *кафтаны*).

Далее рассматриваются немецкие народные сказки на предмет выражения значения времени этнолингвистическими элементами в общей темпоральной структуре сказок.

В сказке „*Der Froschkönig*“ в формировании категории темпоральности участвуют этнолингвистические элементы семантического блока: бытовой уклад [16].

„*Da schliefen sie nun vergnügt zusammen ein und am andern Morgen, als die Sonne sie aufweckte, kam ein Wagen herangefahren mit acht weißen Pferden bespannt*“ [Ibidem]. / В этот момент они счастливо заснули, а на следующее утро, когда солнце разбудило их, подъехала повозка, запряжённая восемью белыми лошадьми (здесь и далее перевод авторов статьи. – М. Л., М. З.).

Слово *der Wagen* переходило из эпохи в эпоху с изменением денотата. Однако контекст в виде *acht weißen Pferden* даёт понять, что это средство передвижения, пускаемое в ход при помощи лошадей, а на данный момент *der Wagen* чаще имеет значение автомобиля, чем повозки, поэтому в данном контексте читатель понимает, что действие сказки характеризует прошлую эпоху.

В сказке „*Die Kristallkugel*“ в формировании категории темпоральности участвуют этнолингвистические элементы двух семантических блоков: персонажи и традиции [Ibidem].

„*Meine Macht ist zerstört, und du bist von nun an der König vom Schloß der goldenen Sonne. Auch deinen Brüdern kannst du die menschliche Gestalt damit zurückgeben*“ [Ibidem]. / Моя мощь разрушена, и отныне ты – король замка золотого солнца. Своим братьям ты тоже можешь вернуть человеческий облик.

„*Er war schon lange Zeit herumgezogen und hatte es nicht finden können, da geriet er in einen großen Wald und wußte nicht, wo der Ausgang war*“ [Ibidem]. / Он уже давно скитался и не мог его найти, когда попал в большой лес и не знал, где выход.

„*Nach langem Kampf stieß er ihm sein Schwert in den Leib, und er sank nieder*“ [Ibidem]. / После долгой борьбы он пронзил его своим мечом, и тот пал ниц.

В данной сказке отражение категории времени нашли как синсемантические факторы, так и прямые указания на протекание действия во временном пласте. Слово *der König* отсылает читателя к прошлому, так как на территории современной Германии давно не монархия. Указания времени „*Er war schon lange Zeit herumgezogen*“ и „*Nach langem Kampf*“ скорее не указывают время, а показывают, сколько прошло между одним и другим событием, обеспечивая, таким образом, ориентацию читателя во времени происходящих событий сказки.

В сказке „*Die Sterntaler*“ в формировании категории темпоральности участвует один семантический блок: семейный уклад [Ibidem].

„*Es war einmal ein kleines Mädchen, dem war Vater und Mutter gestorben, und es war so arm, dass es kein Kämmerchen mehr hatte, darin zu wohnen, und kein Bettchen mehr hatte, darin zu schlafen*“ [Ibidem]. / Жила-была одна маленькая девочка. Родители у неё умерли, и была она так бедна, что не осталось у неё ни уголка для жилья, ни кровати для сна.

В данной сказке присутствует элемент ретроспекции – указание на прошлое героини. Этнолингвистический элемент семантического блока «семейный уклад» сообщает читателю, что какое-то событие точно произошло в прошлом, при помощи формы глагола в Plusquamperfekt показывает события в ретроспективном порядке.

В сказке „*Katze und Maus*“ в формировании категории темпоральности участвует этнолингвистический элемент семантического блока: традиции [Ibidem].

„*Halbaus! was du sagst! den Namen habe ich mein Lebtag noch nicht gehört, ich wette der steht nicht in dem Kalender*“ [Ibidem]. / Хальбаус! Что ты говоришь! Я ещё никогда в жизни не слышал такого имени. Держу пари: его нет в календаре.

Выбранные этнолингвистические элементы относятся к группе устойчивых словосочетаний, поэтому их нельзя рассматривать дословно. Однако при этом их значение напрямую относится к временной семантике. Фраза „*mein Lebtag noch nicht gehört*“ отсылает читателя ко всему жизненному пути героя, то есть временной пласт ограничивается возрастом персонажа. Другой элемент, „*steht nicht in dem Kalender*“, относится к более широкому временному пласту: в данном случае *Kalender* используется не в значении календаря, то есть календарного года, а в значении всего времени исчисления жизни персонажа.

Таким образом, в процентном отношении большинство этнолингвистических элементов, участвующих в реализации темпоральной структуры текста русских сказок, принадлежат семантическому блоку «персонажи» – 40%. Следом идёт семантический блок «бытовой уклад» – 20%, что в два раза меньше, чем у предыдущего. Затем семантический блок «традиции» – 14%. Чуть меньше у семантического блока «предметы одежды и украшения» – 11%. Затем идёт семантический блок «продукты питания» – 9% и замыкает список семантический блок «религиозный уклад» – 6%. Семантический блок «семейный уклад» вообще не участвует в формировании категории темпоральности.

Что касается немецких сказок, то в формировании их темпоральности участвуют этнолингвистические элементы семантических блоков «персонажи» и «традиции» – по 35%. Затем по частотности следует семантический блок этнолингвистических маркеров «семейный уклад» – 14%. Замыкают список этнолингвистических элементов семантических блоков «бытовой уклад» и «предметы одежды и украшения» с равной долей участия – по 8%. Не приняли участие в структуризации темпоральных характеристик текста этнолингвистические элементы семантических блоков: «продукты питания», «религиозный уклад» и «предметы одежды».

Этнолингвистические элементы в локальной архитектонике русских и немецких народных сказок

Следующей категорией предлагаемой к рассмотрению, в формировании которой могут участвовать этнолингвистические элементы, выступает категория локальности.

В сказке **«Горшениа»** в формировании категории локальности участвуют этнолингвистические единицы двух семантических блоков: традиции и бытовой уклад [10].

«Догнал его государь Иван Васильевич.

– Мир по дороге!

Горшениа оглянулся».

«– Хорошо, горшениа, но всё-таки на свете не без худа».

«Он теперь будет барином на твоём месте в вотчине, а ты будь заместо его горшениа».

«Горшениа кончил заказ царский и привёз товар в город. Один боярин выехал на торжище к горшениа и говорит ему...».

Семантический блок «традиции» максимально обобщённо даёт представление о пространственном пласте сказке в противовес «бытовому укладу», который стремится более точно передать место действия, однако описание традиций всегда носит максимально универсальный характер, что применимо к различным группам одного и того же этноса (*государь, барин, вотчина, боярин, торжище*).

В сказке **«Емеля-дурак»** в формировании категории локальности участвует этнолингвистический элемент одного семантического блока: бытовой уклад [Там же].

«По щучьему веленью, по моему прошенью – постройся мраморный дворец, и чтобы этот дворец был как раз против королевского дворца!».

В данной сказке хоть и достаточно эксплицитно выражено пространство при помощи этнолингвистических элементов, но всё равно оставляем место и фоновым знаниям читателя. На Руси мрамор был достаточно редким и крайне дорогим камнем, чтобы из него можно было построить целый дворец. Так же любой королевский дворец отличался своей придворной территорией, и построить дворец из мрамора напротив королевского дворца было невозможно.

В сказке **«Звериное молоко»** в формировании категории локальности участвуют этнолингвистические элементы трех семантических блоков: традиции, семейные устои и бытовой уклад [Там же].

«В это время прилетает к реке Змей Горыныч; ударился о сыру землю и сделался таким молодцом да красавцем, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать».

«Идёт со своею охотою во дворец, хочет сестре голову отрубить; она пала перед ним на колени, начала плакать, упрашивать. Царевич не стал её казнить, а вывел на дорогу, посадил в каменный столб, возле положил вязанку сена да два чана поставил: один с водою, другой — порожний».

«На радостях вспомнил он про свою сестру, поехал к каменному столбу – она сено съела, воду выпила, полон чан слёз наплакала».

И снова этнолингвистические элементы достаточно точно указывают на место действия текста, насколько это можно сделать в сказке. Основным морфологическим средством выражения локальности в тексте являются существительные (*дворец, каменный столб, земля*), вспомогательными выступают глаголы, указывающие направление движения (*ударился о сыру землю*).

Рассмотрим участие этнолингвистических элементов в формировании категории локальности в немецких сказках. В сказке **„Der treue Johannes“** в формировании категории локальности участвуют этнолингвистические элементы двух семантических блоков: традиции и бытовой уклад [16].

“Als der alte König zu Grabe getragen war, da erzählte der treue Johannes dem jungen König, was er seinem Vater auf dem Sterbelager versprochen hatte“ [Ibidem]. / Когда старого короля похоронили, верный Иоганн рассказал молодому королю, что он пообещал его отцу на смертном одре.

„Nachdem sie das letzte betrachtet hatte, dankte sie dem Kaufmann und wollte heim, als sie aber an des Schiffes Rand kam, sah sie, dass es fern vom Land auf hohem Meere ging und mit vollen Segeln forteilte“ [Ibidem]. / После того, как она рассмотрела последнее, она поблагодарила торговца и собралась домой, но, подойдя к корме корабля, увидела, что они уже далеко отошли от суши и поспешно удалялись дальше на всех парусах.

Локальность, основанная на этнолингвистических элементах данной сказки, опирается на экстралингвистические факторы, а именно фоновые знания. Для понимания, где происходит то или иное действие, читатель должен знать, что фраза „zu Grabe getragen war“ (означает «захоронить») относится к кладбищу, а „Segeln“ относится к морскому простору. Последний элемент подкрепляется контекстом, однако слово „Meer“ нельзя отнести к этнолингвистическим элементам, а это значит пространство данной сказки синсеманлично.

В сказке **„Die Sterntaler“** в формировании категории локальности участвуют этнолингвистические элементы двух семантических блоков: религиозный уклад и бытовой уклад [Ibidem].

„Und weil es so von aller Welt verlassen war, ging es im Vertrauen auf den lieben Gott hinaus ins Feld“ [Ibidem]. / И поскольку осталась она покинута всеми, полагаясь на Бога, отправилась она в поле.

„Es war einmal ein kleines Mädchen, dem war Vater und Mutter gestorben, und es war so arm, dass es kein Kämmerchen mehr hatte, darin zu wohnen, und kein Bettchen mehr hatte, darin zu schlafen“ [Ibidem]. / Жила-была одна маленькая девочка. Родители у неё умерли, и была она так бедна, что не осталось у неё ни уголка для жилья, ни кровати для сна.

Фраза „ging es im Vertrauen auf den lieben Gott hinaus ins Feld“ отражает отношение немецкого этноса к разного рода непродуманным поступкам, и в принципе не является целиком этнолингвистическим элементом,

но её можно рассматривать как указание на место, куда главная героиня направилась, полагаясь на Бога. Вместе с тем фраза входит в поле религиозного уклада. Использование уменьшительного суффикса *-chen* в этнолингвистических элементах семантического блока «бытовой уклад» только подчёркивает, насколько маленькое пространство окружало героиню сказки.

В сказке „*Die sechs Schwäne*“ в формировании категории локальности участвуют этнолингвистические маркеры с семантикой локальности двух семантических блоков: персонажи и бытовой уклад [Ibidem].

„*Es jagte einmal ein König in einem großen Wald...*“ [Ibidem]. / *Однажды охотился король в большом лесу...*

„*Der König in der Angst seines Herzens willigte ein, und die Alte führte ihn zu ihrem Häuschen, wo ihre Tochter beim Feuer saß*“ [Ibidem]. / *Король в страхе согласился, и старуха привела его к своему домику, где у огня сидела её дочь.*

„...*und der König gelangte wieder in sein königliches Schloß...*“ [Ibidem]. / *...и король снова попал в свой королевский замок...*

„... *das ist eine Herberge für Räuber, wenn die heimkommen und finden dich, so ermorden sie dich*“ [Ibidem]. / *...это – убежище разбойников. Если они вернутся и найдут тебя, убьют.*

Особую роль в данном тексте играет слово „*der König*“. Оно прямо не называет место, однако, используя знания реальной жизни, читатель может понять, что действие происходит в Европе, так как именно там монарха называли королём. Элементы из семантического блока «бытовой уклад» только подтверждают данную гипотезу, однако их нельзя назвать автосемантическими: они, скорее, указывают на типы помещений, особенности времяпровождения короля, но не называют город или страну, что, в принципе, закономерно для жанра сказки.

В сказке „*Dornröschen*“ в формировании категории локальности участвуют этнолингвистические индикаторы четырех семантических блоков: продукты питания, традиции, бытовой уклад, персонажи [Ibidem].

„*Und als er ins Haus kam, schliefen die Fliegen an der Wand, der Koch in der Küche hielt noch die Hand, als wollte er den Jungen anpacken, und die Magd saß vor dem schwarzen Huhn, das sollte gerupft werden*“ [Ibidem]. / *И когда он вошёл в дом, на стене спали мухи, повар на кухне ещё держал руку так, словно хотел схватить мальчика, а служанка сидела перед чёрной курицей, которую следовало ощипать.*

„*Was der Frosch gesagt hatte, das geschah, und die Königin gebar ein Mädchen, das war so schön, dass der König vor Freude sich nicht zu lassen wusste und ein großes Fest anstellte*“ [Ibidem]. / *Что сказала лягушка, то и случилось: королева родила девочку, которая была так красива, что король от радости не смог совладать с собой и устроил большой праздник.*

„*Der König und die Königin, die eben heimgekommen waren und in den Saal getreten waren, fingen an einzuschlafen und der ganze Hofstaat mit ihnen*“ [Ibidem]. / *Король и королева, которые только что вернулись и входили в зал, начали засыпать, а вместе с ними – и все придворные.*

„*Da ging er weiter und sah im Saale den ganzen Hofstaat liegen und schlafen, und oben bei dem Throne lagen der König und die Königin*“ [Ibidem]. / *Тогда он пошёл дальше и увидел, что все придворные в зале спали, а наверху у трона лежали король и королева.*

Наибольшее количество семантических блоков участвуют в формировании пространственного пласта в этой сказке. Как уже описывалось ранее, персонажи *der König* и *die Königin* отсылают читателя к Европе. Продукт питания *das Huhn* указывает, что действие происходит на кухне, а подкрепляет это персонаж *der Koch*. Слово *das Fest* относит читателя к широкому пространству, где можно устроить праздник, а учитывая контекст, можно определить, что действие происходит около королевского замка. Приближённость к замку так же подтверждает этнолингвистический элемент *der Hofstaat* и *der Throne* – благодаря фоновым знаниям читатель понимает, что данные атрибуты свойственны только королевским резиденциям.

Итак, в процентном отношении большинство этнолингвистических элементов русских сказок принадлежат семантическому блоку «бытовой уклад» – 53%. Следом идёт семантический блок «традиции» – 28%, что ощутимо меньше, чем у предыдущего. Затем семантический блок «религиозный уклад» – 10%. Меньше всего у семантических блоков «персонажи», «семейный уклад» и «предметы одежды и украшения» – по 2%. Семантический блок «продукты питания» не участвует в формировании локальности русских народных сказок.

В немецких сказках – абсолютное большинство этнолингвистических элементов с локальной семантикой у семантического блока «бытовой уклад» – 66%. За ним с заметным отставанием следует семантический блок «традиции» – 14%. Семантический блок этноса «персонажи» занимает 9% от общего объёма, а далее семантические блоки «религия» и «семейный уклад» – по 4%. Семантический блок «предметы одежды» не участвуют в формировании локальности немецких народных сказок.

Этнолингвистические элементы в модальной архитектонике русских и немецких народных сказок

Модальность сказки можно назвать жанровой особенностью, потому что это изначально жанр, противопоставленный реальности. В сказке может происходить всё, что угодно, несмотря на то, что там может и не быть волшебных персонажей и ирреальных действий. Анализ этнолингвистических элементов на предмет отображения функции модальности показал, что только около половины из них образуют ту самую сказочную ирреальность. Разберемся в деталях.

В сказке „*Звериное молоко*“ в формировании категории модальности участвуют этнолингвистические маркеры двух семантических блоков: персонажи и традиции [10].

„*Избушка остановилась, они взошли в нее, а там лежит баба-яга: в одном углу ноги, в другом голова, губы на притолоке, нос в потолок уткнула*».

«В это время прилетает к реке Змей Горыныч; ударился о сыру землю и сделался таким молодцом да красавцем, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать».

«Мёртвая-жива вода оживили Ивана царевича».

Персонажи и традиции написания сказки указывают на ирреальность всех происходящих действий. Баба-яга является традиционным сказочным персонажем, при этом бытует мнение, что это злой персонаж. Описание ее внешности ирреально. Однако, в некоторых сказках она выступает как герой-помощник. Змей-Горыныч так же относится к группе волшебных персонажей. Мёртвая-живая вода сами по себе навевают мысль о чём-то, что быть не может, но, если рассматривать её в пласте традиций, свойственных русским народным сказкам, то становится очевидным, что в настоящей жизни нельзя оживить уже умершего.

В сказке «Леший» в формировании категории модальности участвуют этнолингвистические единицы трех семантических блоков: персонажи, предметы одежды и украшения, традиции [Там же].

«Леший застонал, повалился было через колоду, да тотчас же привстал и потащился в чащу».

«Вдруг зашумел буйный ветер, и явился перед нею трёхглавый змей».

«Царевич взойёл в неё и видит: на печи, на девятом кирпичи, лежит баба-яга костяная нога, нос в потолок врос, сопли через порог висят, титьки на крюку замотаны, сама зубы точит».

«Он ломает, а Коцей Бессмертный бьётся, мечется».

«Бежит косою заяц; царевич опять за ружьё, стал целиться, а заяц провещал ему человеческим голосом».

«Железные сапоги износи и три железных просвиры сгложил!».

«Ищи меня за тридцать земель, в тридцатом царстве – у Коцея Бессмертного».

Персонажи леший и трёхглавый змей также входят в список русских сказочных персонажей, поэтому у читателя не остаётся сомнений, что перед ним сказка со своим сказочным миром. Феномен Бабы-яги уже рассматривался выше, и почти везде, где есть Баба-яга, есть всегда отрицательный персонаж Коцей-бессмертный. Это кочующий из текста в текст герой, который является атрибутом многих сказок. Одно их появления говорит о том, что всё, происходящее в тексте, неправда – ирреальность. Подтверждают это суждение животные, которые говорят человеческими голосами, и указание на пространство. Традиционная фраза за тридцать земель, в тридцатом царстве не имеет ничего общего с окружающей читателя действительностью. Так же понимание того, что главному герою требуется износить железные сапоги, которые никто никогда в реальном мире не будет носить, и сглотить три железные просвиры – их так же не существует в реальности, помогает читателю осознать, что всё действие сказки нереально.

Обратимся к немецким сказкам.

В сказке „Die Kristallkugel“ в формировании категории модальности участвуют этнолингвистические маркеры одного семантического блока: персонажи [16].

„Es war einmal eine Zauberin, die hatte drei Söhne, die sich brüderlich liebten: aber die Alte traute ihnen nicht und dachte, sie wollten ihr ihre Macht rauben“ [Ibidem]. / Жила-была одна волшебница, и было у неё три сына, которые по-братски любили друг друга. Но старуха не доверяла им и думала, что они хотят отнять у неё её волшебное могущество.

„...wenn du den Berg, auf dem das Schloß steht, hinabgehst, so wird unten an einer Quelle ein wilder Auerochs stehen, mit dem musst du kämpfen. Und wenn es dir glückt, ihn zu töten, so wird sich aus ihm ein feuriger Vogel erheben, der trägt in seinem Leib ein glühendes Ei, und in dem Ei steckt als Dotter die Kristallkugel“ [Ibidem]. / ...когда ты спустишься с горы, на которой стоит замок, внизу, у источника будет стоять дикий бык, с которым ты должен сразиться. Если тебе повезёт и ты сможешь убить его, то из быка вылетит огненная птица, внутри которой – сверкающее яйцо, а желток в яйце – хрустальный шар.

„Du weißt nicht, was er für Eigenschaften hat, es ist ein Wünschhut, wer den aufsetzt, der kann sich hinwünschen, wohin er will, und im Augenblick ist er dort“ [Ibidem]. / Ты не знаешь, какими способностями она обладает... Это – волшебная шляпа. Кто её наденет, тот может пожелать себе оказаться там, где он захочет, и в тот же миг он будет на месте.

Волшебные персонажи создают контраст с миром объективной реальности читателя: в жизни ни один из нас не встретит волшебницу или волшебную шляпу. При этом немецкий народ прибегает к приёму олицетворения, наделяя обычных, неволшебных животных человеческими качествами и способностями: индивидуальным характером и умением говорить.

В сказке „Der treue Johannes“ в формировании категории модальности участвует этнолингвистический элемент семантического блока: бытовой уклад [Ibidem].

„Das ist die Königstochter vom goldenen Dache...“ [Ibidem]. / Это – дочь короля с золотой крыши...

В этой сказке ни один этнолингвистический элемент не указывает на ирреальность происходящего, кроме золотой крыши. Русский читатель ещё мог бы принять этот факт как нечто данное, стоит только вспомнить золотистые купола русских церквей. Но для немецкого этноса золотая крыша очень редкое явление, тем более в записи Братьев Гримм используется именно указание на материал – golden.

В сказке „Die sechs Schwäne“ в формировании категории модальности участвуют этнолингвистические элементы двух семантических блоков: персонажи и религиозный уклад [Ibidem].

„Da ging sie zum König und klagte sie an, sie wäre eine Menschenfresserin“ [Ibidem]. / Тогда она пошла к королю и обвинила её в том, что та была людоедкой.

„...und da sie von ihrer Mutter die Hexenkünste gelernt hatte...“ [Ibidem]. / ...а так как от своей матери она научилась колдовскому искусству...

Слово „die Menschenfresserin“ интерпретируется как маркер ирреальности, а вот „die Hexenkünste“ в контексте немецких сказок появляется впервые, как и семантический блок «религиозный уклад». И так же читателю

требуется использовать свои фоновые знания, чтобы понять, что колдовское искусство, которое упоминается в сказке, не существует.

В результате проведённого анализа было установлено, что в процентном отношении большинство этнолингвистических элементов, участвующих в формировании модальности русских сказок, принадлежит семантическому блоку «персонажи» – 60%. Следующими по частотности являются этнолингвистические маркеры семантических блоков: «традиции» – 20%, «бытовой уклад» и «предметы одежды» – по 10%. Представительство других этнолингвистических элементов семантических блоков «продукты питания», «религиозный уклад» и «семейный уклад» не обнаружено при формировании модальности в представленном для анализа языковом материале.

Что касается немецких народных сказок, то в формировании модальности в процентном отношении наиболее активен семантический блок «персонажи» – 63%, все остальные семантические блоки «бытовой уклад», «религиозный уклад», «традиции» и «семейный уклад» имеют по 9% каждый. Семантические блоки «продукты питания» и «предметы одежды и украшения» не участвуют в формировании модальности сказки.

Заключение

Этнолингвистический подход в исследовании типа текста сказка на материале двух языков, русского и немецкого, позволил продемонстрировать широкие возможности этнолингвистики и универсальность лингвистики текста как областей науки. Было показано, как на основе этнолингвистических элементов можно изучить и обозначить их новые функции, а именно участие в формировании трех важных текстовых категорий – темпоральности, локальности и модальности.

Таким образом, исследование трёх текстовых категорий – темпоральности, локальности, модальности типа текста сказка позволяет сделать следующие выводы:

1. Наиболее активные семантические блоки этнолингвистических элементов русских народных и немецких народных сказок совпадают.

2. При формировании категории темпоральности самым активным выступает семантический блок этноэлементов «персонажи» (в немецком языке такое же количество занимают этнолингвистические единицы блока «традиции»).

3. В русских народных сказках и немецких народных сказках наиболее активно выражают локальность этнолингвистические элементы семантического блока «бытовой уклад». При этом у обоих этносов семантический блок «продукты питания» не отражает категорию пространства. Это объясняется тем, что предметы, действия и события, связанные с бытом народа, наиболее точно могут указать на месторасположение, как при помощи прямого маркера с локальной семантикой, так и опираясь на фоновые знания читателя.

4. Этнолингвистические языковые единицы семантического блока «персонажи» занимают абсолютное большинство при формировании категории модальности русских и немецких сказок. Это происходит потому, что в этом типе текста используются так называемые «сказочные персонажи». Под этим термином понимаются действующие лица, которые никогда не встречаются в реальной жизни, часто переходят из одного сюжета в другой, благодаря чему имеют свой собственный характер, заранее известный читателю (к примеру, Кощей Бессмертный или Леший). Часто это волшебные персонажи, которые могут летать или совершать магические обряды или животные, наделённые человеческими качествами (умением выражать свою мысль, чувствовать, думать как человек).

В данном исследовании удалось выйти на концептуальный уровень рассмотрения текстовых функций этноэлементов через призму фольклорного текста. Перспективы дальнейшего исследования заключаются в рассмотрении иных типов текста на материале и других языков. Вместе с тем, представляется возможным расширение перечней семантических блоков этноса и текстовых категорий, в формировании которых могут участвовать этнолингвистические элементы. Оба этих списка являются открытыми и ждут дальнейших исследований.

Источники | References

1. Агаева Ф. А. Модальность как лингвистическая категория: на материале английского и туркменского языка: автореф. дисс. ... д. филол. н. Баку, 1990. 47 с.
2. Арутюнов С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.
3. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. М. – Екатеринбург: Акад. проект; Деловая книга, 2004. 462 с.
4. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, ЛО, 1971. 114 с.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 2013. 144 с.
6. Герд А. С. Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. 457 с.
7. Елисеева А. А. Типологический потенциал грамматических категорий газетно-публицистических текстов (опыт анализа категорий темпоральности, локальности и модальности на материале немецкого языка): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2005. 24 с.
8. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 353 с.

9. Москальская О. И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
10. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева [Электронный ресурс]: в 3-х т. / подг. текста, предисл. и примеч. В. Я. Проппа. М.: Государственное издательство художественной литературы (Гослитиздат), 1957-1958. URL: <http://ru-skazki.ru/afanasyev-russian-folk-tales-1957.html> (дата обращения: 08.05.2021).
11. Ноздрина Л. А. Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий. М.: Дрофа, 2009. 252 с.
12. Славянская этнолингвистика. Библиография. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Индрик, 2013. 240 с.
13. Толстая С. М. Этнолингвистика // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет: сборник статей / отв. ред. М. А. Робинсон. М.: Индрик, 1996. С. 235-248.
14. Толстой Н. И. Язык и народная культура. М.: Индрик, 1995. 512 с.
15. Тураева З. Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 105-114.
16. Brüder Grimm. Kinder- und Haus-Märchen [Электронный ресурс]: 2 Bänder. Göttingen: Dieterich Verlag, 1857. Band 1. Große Ausgabe. 450 S. URL: [https://de.m.wikisource.org/wiki/Kinder-_und_Haus-Märchen_Band_1_\(1857\)](https://de.m.wikisource.org/wiki/Kinder-_und_Haus-Märchen_Band_1_(1857)) (дата обращения: 08.05.2021).
17. Silverstein M. The Whens and Wheres - As Well As Hows - of Ethnolinguistic Recognition // Public Culture. 2003. Vol. 15. Issue 3. P. 531-557.
18. Underhill J. W. Ethnolinguistics and Cultural Concepts: Truth, Love, Hate and War. Grenoble: Université Stendhal, 2012. 264 p.

Информация об авторах | Author information

RU**Левченко Марина Николаевна¹**, д. филол. н., проф.**Захарова Мария Юрьевна²**, к. филол. н^{1,2} Московский государственный областной университет**EN****Levchenko Marina Nikolaevna¹**, Dr**Zakharova Mariya Yur'evna²**, PhD^{1,2} Moscow Region State University¹ prof_levchenko@mail.ru, ² delehrerin@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 29.04.2021; опубликовано (published): 30.07.2021.

Ключевые слова (keywords): этнолингвистика; семантические блоки; национальная картина мира; текстовые категории; ethnolinguistics; semantic blocks; national worldview; text categories.